Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 24–32.
Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 24–32.

Научная статья
УДК 327
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/24-32

Движущие силы политики ЕС в Центральной Азии в условиях новой "Большой игры"

Яна Валерьевна Лексютина
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, lexyana@ya.ru

Аннотация. В статье реконструируется эволюция подхода ЕС к Центральной Азии в контексте изменений глобальной стратегии и приоритетов развития ЕС. В фокусе внимания статьи – нормативная повестка, повестка "эффективной и устойчивой связанности", повестка "зелёной" и цифровой трансформации во взаимодействии ЕС с Центральной Азией. Автор делает вывод о том, что главными движущими силами политики ЕС в Центральной Азии на современном этапе выступают фактор конфронтации с Россией и фактор связанных с Китаем опасений. Первый из них обуславливает интенсификацию политических контактов с правительствами стран региона, поиск альтернативных источников углеводородов и транспортных коридоров в обход России. Второй – побуждает ЕС продвигать европейскую модель связанности в регионе как противовес китайской и укреплять сотрудничество со странами региона в вопросах добычи и импорта критически важного сырья с целью снижения зависимости от китайских поставок.
Ключевые слова: *ЕС, Центральная Азия, "Большая игра", связанность, "зелёная" трансформация, Китай, Россия*

Статья выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00249, https://rscf.ru/project/24-28-00249/

Для цитирования: Лексютина Я. В. Движущие силы политики ЕС в Центральной Азии в условиях новой "Большой игры" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 24–32. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/24-32

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/24-32

The drivers of the EU's Central Asia policy in the context of the New Great Game

Yana V. Leksyutina
Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, lexyana@ya.ru

Abstract. The article traces the evolution of the EU's approach to Central Asia in the context of changes in global strategy and EU development priorities. The article focuses on the normative agenda, the agenda of "efficient and sustainable connectivity", the agenda of "green" and digital transformation in the EU's interaction with Central Asia. The author concludes that the main driving forces of the contemporary EU's Central Asia policy are the factor of confrontation with Russia and the factor of "China threat" theory. The first one determines the intensification of political contacts with the governments of Central Asian countries, the search for alternative sources of hydrocarbons and transport corridors bypassing Russia. The second is encouraging the EU to promote the European model of connectivity in the region as a counterbalance to the Chinese one and strengthen cooperation with countries in the region in matters of production and import of critical raw materials in order to reduce dependence on Chinese supplies.
Key words: *EU, Central Asia, Great Game, connectivity, green transformation, China, Russia*

The article is supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00249, https://rscf.ru/project/24-28-00249/

For citation: Leksyutina Ya. V. The drivers of the EU's Central Asia policy in the context of the New Great Game // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 41–32. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/24-32

Геополитическая ситуация, сложившаяся после начала Россией специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г., во многом способствовала всплеску интереса к Центральной Азии со стороны целого спектра государств – как больших и великих, так и малых. Во многих странах руководящие круги расценили получившие развитие тренды как демонстрирующие стремление стран региона усилить многовекторность внешней политики и диверсифицировать внешнеэкономических партнеров, как ведущие к снижению роли России в регионе и, соответственно, открывающие "окно возможностей" для наращивания этими странами своего регионального присутствия. Безусловно, рост интереса к Центральной Азии был обусловлен множеством иных факторов, включая происходящие в странах региона трансформации (в т.ч. расширение внешнеэкономической открытости, улучшение инвестиционного климата и пр.) и процессы регионализации, открывающие возможности для развития многосторонних форм взаимодействия (так называемые форматы 5+1) и продвижения крупных региональных проектов с участием нескольких стран региона (например, проекты транспортной и иной связанности) и пр.

Внешним актором, динамично приступившим к расширению своего присутствия в Центральной Азии, что нашло отражение в резкой интенсифи-

© Лексютина Я. В., 2024

кации дипломатических контактов, создании новых диалоговых механизмов высокого уровня и политической риторике, стал ЕС. С одной стороны, это было связано с целенаправленной работой Брюсселя по привлечению стран Центральной Азии к сотрудничеству в вопросах пресечения обхода Россией введённых против неё масштабных европейских санкций. И с этой целью регион стали посещать многочисленные европейские делегации, а также спецпредставитель ЕС по санкциям. Санкционная повестка стал неотъемлемой частью любых встреч высокопоставленных европейских представителей с их коллегами из Центральной Азии. Брюссель инициировал регулярный обмен мнениями со странами региона по санкциям, а Европарламент даже выдвинул в начале 2024 г. инициативу применять в отношении стран Центральной Азии дифференцированный подход, учитывающий уровень их сотрудничества с ЕС по санкционной политике в отношении России **[9]**. С другой стороны, активизация ЕС в Центральной Азии отражала повышение значимости региона в реализации геополитических и геоэкономических интересов, в обеспечении экономической и энергетической безопасности Брюсселя ввиду конфронтации с Россией после февраля 2022 г. и связанных с Китаем углубляющихся опасений.

От нормативного подхода к "рациональному прагматизму"

Ранее подход ЕС в отношении Центральной Азии нередко описывался экспертами, как "доброжелательное безразличие" (цитата по: **[7, p. 648]**). ЕС характеризовался как принимавший свою второстепенную роль в регионе (относительно России и Китая), как движимый прагматическими интересами "честный брокер" в регионе **[16, p. 1347]**, не ставивший перед собой цель превратиться в ключевого регионального геополитического игрока. Анализируя последнюю из двух принятых стратегий ЕС по развитию отношений с Центральной Азией (первая была принята в 2007 г., вторая и ныне действующая – в 2019 г.), Э. Джураев и Н. Муратлиева обращают внимание на содержащийся в ней тезис о том, что ЕС готов сотрудничать с третьими странами, региональными организациями и международными финансовыми институтами для реализации общих интересов ЕС и ЦА. Такой инклюзивный подход, как они отмечают, выгодно отличал ЕС от других крупных игроков в регионе: ЕС не стремился стать геополитическим игроком в регионе, не рассматривал сотрудничество с Центральной Азией как игру с нулевой суммой или поле для соревнования, что создавало комфортную среду для стран региона, позволяя им развивать сотрудничество с ЕС без ущерба для отношений с другими крупными партнерами **[1, с. 12]**.

С такой характеристикой подхода Брюсселя можно согласиться только частично. Действительно, ЕС не ставил перед собой цель стать крупным геополитическим игроком в регионе. Такая цель была бы нереалистичной в тот период времени, принимая во внимание протекавшие в Центральной Азии тогда процессы и традиционно сильные позиции в регионе России и усиливающиеся – географически соседского Китая. У ЕС не было сильного интереса к Центральной Азии, регион был второстепенным по важности по сравнению, например, с Юго-Восточной Европой, Балканами, Украиной и другими более близкими соседями ЕС. Всегда находились более важные глобальные вопросы и неотложные события в ближайшем окружении ЕС.

Но даже тогда – и это расходится с заявленным инклюзивным подходом Брюсселя – геополитические соображения спорадически прорывались в повестке взаимодействия Брюсселя с регионом. В 1993 г. ЕС инициировал межрегиональную программу технического содействия "ТРАСЕКА", нацеленную на создание транспортного коридора Европа–Кавказ–Азия, призванного подключить страны Закавказья и Центральной Азии через трансъевропейские магистрали к ЕС и уменьшить их транспортную зависимость от России. В 2002 г. в ЕС появилась идея строительства газопровода "Набукко" (позднее – "Набукко Вест"), по которому бы осуществлялись поставки азербайджанского и туркменского газа (рассматривалось также и участие Казахстана) в Европу. После аннуляции этого проекта в 2013 г. в качестве самостоятельного проекта стал рассматриваться проект строительства Транскаспийского газопровода, также до сих пор не реализованного.

В целом за прошедшие с момента установления официальных контактов между ЕС и странами Центральной Азии десятилетия, подход Брюсселя в отношении региона несколько раз менялся. Первоначально, следуя в русле общей идеологии Брюсселя и его представлений об универсальной применимости нормативной модели ЕС, в основе стратегии Брюсселя в отношении Центральной Азии лежал *нормативный подход* – курс на продвижение европейских ценностей и норм, продвижение правозащитной повестки и содействие демократизации стран, а также становления системы должного управления. После образования новых независимых государств на постсоветском пространстве в Брюсселе сформировались завышенные ожидания и вера в то, что при поддержке ЕС страны Центральной Азии смогут провести глубокое экономическое реформирование, создать представительные, демократические институты и в перспективе стать частью общеевропейских процессов. Акцент на проецировании нормативной силы был, в частности, прописан в Стратегии европейской безопасности 2003 г. Ключевым принципом при развитии сотрудничества со странами Центральной Азии выступала политическая обусловленность. Брюссель настаивал на необходимости развития в странах региона демократических институтов и продвижении процессов экономического реформирования.

В 2016 г. ЕС принимает новую глобальную стратегию в области внешней политики и безопасности "Общее видение, общие действия: более сильная Европа", пришедшую на смену Стратегии безопасности 2003 г. В новой версии фиксируется принцип "принципиального прагматизма", который должен сочетать "реалистичную оценку стратегической обстановки" и "идеалистическое стремление построить лучший мир" **[4, p. 16]**. Происходит смещение акцента с проецирования нормативной силы на реализацию экономических интересов и интересов безопасности ЕС **[16, p. 1350]**. Брюссель больше концентрируется на реализации собственных интересов, нежели на проецировании европейских норм и ценностей, что, однако, не означает отказа в принципе от использования нормативной силы. Применительно к Центральной Азии нормативный подход также сменяется подходом, в основе которого лежит "*принципиальный прагматизм*". Это находит свое отражение в частности в принятии новой Стратегии ЕС в отношении региона в 2019 г. Такие приоритеты, как продвижение демократии, прав человека и верховенства закона, не исчезают полностью с повестки дня, но они становятся подчиненными более широкому приоритету ЕС в регионе – содействию "устойчивости" (resilience), которая помимо указанных нормативных составляющих включает еще активизацию сотрудничества по выполнению Парижских климатических обязательств, решению трансрегиональных экологических проблем, вопросов миграции и пр. При этом применявшийся в Стратегии 2007 г. термин "демократизация" при описании ключевых направлений деятельности ЕС в Центральной Азии в новой версии стратегии (2019 г.) был заменен на "продвижение демократии", что отражает меньшие амбиции и ожидания Брюсселя от своего взаимодействия с регионом **[16, p. 1352]**. В Стратегии 2019 г. отмечено намерение ЕС концентрировать "усилия на тех областях, где это может способствовать изменениям". Как отмечают А. Герритс и Х. Клин, из положений Стратегии неясно, относятся ли к этим областям демократия, права человека и верховенство закона, поскольку в отличие от предыдущих документов, они больше не представлены как условия или основные цели сотрудничества ЕС с регионом, а скорее как повестка, которую следует продвигать **[10, p. 6]**.

Европейская повестка "эффективной и устойчивой связанности" для Центральной Азии

На практике фокус деятельности ЕС в Центральной Азии сместился в несколько другую плоскость и стал концентрироваться на другом аспекте – на *продвижении европейской модели связанности*, негласно противопоставляемой китайской инициативе "Пояс и путь". По мере динамичного развития выдвинутой в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином инициативы "Пояс и путь" в Брюсселе стала усиливаться обеспокоенность. Опасения вызывали распространяемые Китаем правила и стандарты в области инфраструктурного развития и связанности, включая вопросы прозрачности тендерных процедур по контрактам под эгидой "Пояса и пути", роста "долгового бремени"

стран-реципиентов, воздействия на окружающую среду и местные сообщества и пр.

В 2018 г. ЕС принимает стратегию "Соединяя Европу и Азию – строительные блоки для стратегии ЕС", в которой упор делается на создании "эффективной и устойчивой связанности" и формулируются конкретные предложения и инициативы по улучшению связей между Европой и Азией, в том числе посредством совместимых транспортных, энергетических и цифровых сетей. Как и в случае с использованием нормативной силы и продвижением европейских ценностей Брюссель в продвижении своей модели связанности исходит из убеждённости в её универсальной применимости и том, что "внутренний рынок ЕС [имеется в виду связанность внутри ЕС – *автор*.] … может стать источником вдохновения во всем мире" **[6, p. 2]**. Европейский подход к связанности базируется на трёх принципах: 1) устойчивость – связанность должна быть экономически, финансово, экологически и социально устойчивой в долгосрочной перспективе; это подразумевает высокие стандарты, основанные на оценках воздействия на окружающую среду, высокие стандарты прозрачности и надлежащего управления, учёт интересов местного населения, затронутого проектами, и пр.; 2) всеобъемлемость, предполагающая синергию транспортной, энергетической и цифровой связанности и включающая человеческое измерение, где интересы и права людей лежат в основе политики; 3) основанность на международных правилах, т.е. согласованность связанности с международными практиками, правилами, конвенциями и техническими стандартами **[6, p. 2–3]**.

В декабре 2021 г. Брюссель принимает уже комплексную стратегию "Глобальные ворота" (Global Gateway), предусматривающую финансовую поддержку инфраструктурного развития и связанности развивающихся стран по всему миру с их интеграцией в систему управления ЕС с точки зрения стандартов, правовых аспектов, технологий, а также оказанием содействия этим странам в их "зелёной" трансформации. Стратегия выделала пять приоритетных сфер: цифровые технологии, климат и энергетика, транспорт, здравоохранение, образование и научные исследования. И базировалась на шести ключевых принципах: поощрение демократических ценностей и высоких стандартов, экологичная инфраструктура, надлежащее управление и прозрачность, равноправные партнерства, ориентация на обеспечение безопасности, стимулирование инвестиций частного сектора. Основополагающим принципом – и это отличает её от китайской государственной инициативы "Пояс и путь" – является упор на привлечение частного сектора к финансированию проектов. ЕС планировал в период с 2021 по 2027 гг. мобилизовать до 300 млрд евро для поддержки финансирования "устойчивой и качественной инфраструктуры", отвечающей социальным и экологическим нормам. Акцент делается на обеспечении высокого уровня экологических и трудовых стандартов, надлежащем финансовом управлении, прозрачных правилах и правовой определенности, учёте потребностей соответствующих стран и интересов местных сообществ. Имиджевый подход ЕС весьма точно был раскрыт в характеристике инициативы "Глобальные ворота", данной Председателем Европейской Комиссии Урсулой фон дер Ляйен: "Инициатива "Глобальные ворота" – это стратегия Европы по обеспечению лучшей взаимосвязанности мира. Мы будем поддерживать разумные, устойчивые инвестиции в качественную инфраструктуру в соответствии с ценностями и стандартами ЕС. Будем поощрять равные партнерские отношения и формировать новые альянсы, не создавая взаимозависимости" **[2]**.

Во взаимодействии с Центральной Азией ЕС стал активно продвигать свою модель связанности. При этом Брюссель был нацелен не только на расширение межрегиональных связей, поддержке усилий стран региона интегрироваться в мировые транспортные коридоры, но и на обеспечение того, чтобы нормы и стандарты ЕС принимались во внимание и, главное, внедрялись. Во многом продвижение повестки "устойчивой связанности" было мотивировано опасениями Брюсселя в связи с продвижением китайских стандартов и практик посредством инициативы "Пояс и путь".

Сильный импульс сотрудничеству ЕС с Центральной Азией в вопросах связанности придало драматическое изменение геополитической ситуации после февраля 2022 г. Перед Брюсселем, в силу его конфронтационного

курса в отношении России и движения к полной "расстыковке" с ней, встала необходимость поиска альтернативных транспортных коридоров, связывающих Европу с азиатскими экономиками и в первую очередь с Китаем – одним из крупнейших торговых партнеров ЕС. Более того, необходимость развития новых сухопутных транспортных коридоров между Европой и Азией/Китаем была обусловлена проявившейся в последние годы нестабильностью морских перевозок – а на морские перевозки ныне приходится до 80–85% товарооборота между ЕС и Китаем. Достаточно вспомнить ситуацию с морскими перевозками в период пандемии COVID-19, инцидент с контейнеровозом "Evergreen" в марте 2021 г. или приостановку движения судов по Красному морю после нападений хуситов на торговые суда в декабре 2023 г.

На данный момент сухопутные перевозки между Европой и Азией осуществляются по трём основным коридорам при доминировании Северного коридора: *Северному коридору* (он идёт из Китая через Казахстан, Россию и Беларусь, а затем попадает в ЕС через Польшу, поезда также следуют через Монголию или напрямую через Россию по Транссибу); мультимодальному Транскаспийскому международному транспортному маршруту или *Среднему коридору* (соединяет Азию и Европу через Казахстан и Каспийское море; товары попадают на Кавказ через порт Баку и продолжают путь в Грузию, откуда перед въездом в ЕС через Болгарию или Румынию есть два альтернативных маршрута: наземный маршрут через Турцию или морской путь через Чёрное море); *Южному коридору* (пересекает Киргизию или Таджикистан, Узбекистан, Туркмению, Иран и Турцию, а затем попадает в Европу через Болгарию или Грецию; его предпочитают автомобильные перевозчики, поскольку он позволяет избежать пересечения Каспийского моря и связанных с ним проблем, включая неэффективность портов, ограниченное и непредсказуемое время паромной переправы и пр.) **[13, p. 11]**.

Политическая установка ЕС – полностью отказаться от Северного коридора и дать шанс Среднему. Брюссель обозначил свою готовность подключиться к реализации проектов развития региональной транспортной инфраструктуры в ЦА в русле стратегии "Глобальные ворота" и поручил Европейскому банку реконструкции и развития изучить вопросы, связанные с созданием Среднего коридора. Согласно проведённой Европейским банком реконструкции и развития оценке, разница в пропускной способности между Северным и Средним коридорами очень велика: в 2021 г. по Северному было перевезено 1,5 млн TEU (двадцатифутовых контейнера), а расчетная пропускная способность Среднего коридора оказалась на уровне всего лишь 80 тыс. TEU в 2022 г. **[11]** Перенаправление транзитных грузов, превышающих 10% тоннажа Северного коридора, потребует инвестиций примерно в 3,5 млрд евро для немедленной модернизации инфраструктуры **[11]**. Исследование оценило ключевые потребности в финансировании инфраструктуры для значительного улучшения связанности во всех пяти странах Центральной Азии на общую сумму в 18,5 млрд евро **[13, p. 11]**. Такие объемы финансирования необходимы на восстановление и модернизацию сети железных и автомобильных дорог, расширение подвижного состава, увеличение пропускной способности портов, модернизацию пунктов пересечения границы, а также создание мультимодальных логистических центров и вспомогательных сетевых соединений во всех пяти странах Центральной Азии.

В январе 2024 г. был проведён Глобальный форум инвесторов по транспортному сообщению Европы и Центральной Азии, на котором было объявлено о готовности европейских и международных финансовых институтов выделить 10 млрд евро на поддержку и инвестиции в устойчивое транспортное сообщение в Центральной Азии. Заинтересованность стран региона в реализации своего транзитного потенциала и встраивании в мировые транспортные коридоры на современном этапе велика. Страны региона со своей стороны предпринимают меры по улучшению трансграничного перемещения грузов посредством внедрения автоматизированных платёжных систем, продвижению безбумажной документации через электронные логистические платформы в рамках цифровой стратегии ЦАРЭС до 2030 г. (Программа Центрально-Азиатского Регионального Экономического Сотрудничества), стимулированию торговли и инвестиций между ЕС и Центральной Азии. Если обещанное финансирование в размере 10 млрд евро действительно поступит,

есть все шансы, что в отличие от более ранних попыток ЕС по созданию связанности с Центральной Азией (таких, как "ТРАСЕКА", "Набукко", Транскаспийский газопровод) Средний коридор начнет обретать реальные очертания, а европейские стандарты частично внедряться в практику стран Центральной Азии.

Повестка "зелёной" и цифровой трансформации как фактор взаимодействия ЕС с Центральной Азией

Значительное место в деятельности ЕС занимает повестка "зелёной" и цифровой трансформации, и во взаимодействии с Центральной Азией она на современном этапе является одной из центральных. Еще в декабре 2019 г. ЕС принял документ "Зелёная сделка" (European Green Deal), в котором была обозначена "дорожная карта" движения ЕС к достижению углеродной нейтральности к 2050 году. С тех пор "зелёный" курс ЕС подвергался пересмотру, но решимость обеспечить устойчивое развитие, энергетический переход и декарбонизацию до 2050 года осталась неизменной **[15]**. На этом фоне перед Брюсселем встали вопросы обеспеченности так называемым критически важным сырьем (Critical Raw Materials) ввиду обнаруженной сильной зависимости от их поставок из Китая и в условиях общего развития концепции "китайской угрозы" в ЕС. В Брюсселе усилилась обеспокоенность осуществляемой Пекином в отношении европейских стран практикой "экономического принуждения", под которым Брюссель понимает "вмешательство в законный суверенный выбор Союза или государства-члена путём стремления предотвратить или добиться прекращения, изменения или принятия определённого акта Союзом или государством-членом путем применения или угрозы применения мер, влияющих на торговлю или инвестиции" **[14, p. 2]**. Брюссель обнаружил сильную зависимость от Китая в сырье, которое играет принципиальную роль в "зелёном" и цифровом переходе: на Китай приходится 98% импорта критически важных для ЕС редкоземельных материалов, 93% – магния и 97% – лития **[12]**. В Европе свежи воспоминания о том, как в 2010 г. в ответ на действия японской стороны в Восточно-Китайском море Пекин ввёл ограничения на экспорт редкоземельных металлов в Японию.

Возрастающая обеспокоенность Брюсселя проявилась в заявлении Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Борреля о том, что зависимость Европы от Китая в стратегии "зелёной" трансформации даже выше, чем зависимость Европы от ископаемого топлива из России **[8]**. ЕС стал разрабатывать меры, направленные на усиление устойчивости к экономическому принуждению. Так, в частности, в 2020 г. ЕС определил список сырья, имеющего критическое значение для европейской экономики, и стал прикладывать усилия по диверсификации цепочек снабжения посредством налаживания сотрудничества с партнерами, в отношении которых у ЕС нет опасений.

Большим потенциалом в этом ракурсе обладает Центральная Азия, богатая природными ресурсами, в ряде случаев даже еще не разрабатываемыми. Так, в частности, до сих пор не ведётся или ограничена по своим масштабам добыча редкоземельных металлов в регионе, меди – в Узбекистане, урана – в Таджикистане и Киргизии **[3]**. Уже в 2021 г. на Экономическом форуме ЕС – Центральная Азия Брюссель выразил интерес к укреплению сотрудничества с регионом в области поставок критически важного сырья. В ноябре 2022 г. ЕС и Казахстан подписали меморандум о взаимопонимании о стратегическом партнерстве в области сырья, батарей и возобновляемого водорода. ЕС также в рамках стратегии "Глобальные ворота" выдвинул инициативу по критически важному сырью в Центральной Азии. В соответствии с ней, ЕС намерен оказывать региону техническую помощь в классификации и картировании ресурсов, модернизации добычи и переработки, проведении разведки и добычи критического сырья в соответствие с мировыми стандартами, а также вкладывать инвестиции в разведку критически важного сырья.

Помимо фактора Китая, большую роль в повышении роли Центральной Азии в контексте стратегических планов ЕС по "зелёному" переходу стал играть фактор России. В стратегии перехода к углеродной нейтральности природному газу как наиболее чистому ископаемому топливу (по сравнению с углём или нефтью) отводится роль "переходного топлива" в процессе дви-

жения к углеродно-нейтральной экономике. С началом нового витка украинского кризиса в феврале 2022 г. ЕС столкнулся с проблемами в обеспечении энергетической безопасности, которые усугубились ввиду принятого им решения постепенно прекратить импорт углеводородов из России. Перед ЕС встала серьёзная проблема поиска и обеспечения стабильных поставок природного газа из других источников. ЕС сильно полагался на импорт природного газа и на поставки из России: так, в 2020 г. ЕС импортировал около 85% природного газа, при этом крупнейшим поставщиком была Россия. Как указывают эксперты, есть противоречивые мнения о том, сможет ли ЕС получать природный газ и нефть из США в долгосрочной перспективе и как это повлияет на конкурентоспособность ЕС, геополитическая напряженность значительно затрудняет налаживание поставок из Саудовской Аравии и других стран Персидского залива, а нестабильная внутренняя ситуация, беспорядки и конфликты продолжаются в Венесуэле и Ливии десятилетиями, что делает невозможным снабжение ЕС из этих стран **[15]**. На этом фоне Центральная Азия как богатый углеводородами регион, в целом стабильный, находящийся вне зон прямых конфликтов, приобретает особое значение для ЕС **[15]**. При этом наиболее важными для ЕС энергетическими ресурсами в контексте развития отношений с Центральной Азией становятся природный газ и уран.

Еще с 1990-х гг. углеводороды Центральной Азии привлекали внимание ЕС. Однако предпринимавшиеся Брюсселем на протяжении трёх десятилетий попытки по налаживанию поставок природного газа и нефти из региона в ЕС имели ограниченный успех. На Казахстан, например, сейчас приходится только около 8% общего импорта нефти ЕС, а поставки природного газа так до сих пор не налажены. В нынешней геополитической ситуации привлекательным вариантом для Брюсселя может быть наращивание добычи и импорта казахстанской нефти, что, однако, осложняется проблемой ее транспортировки: около 80% экспорта нефти из Казахстана в Европу идет по проходящему через территорию России нефтепроводу Каспийского трубопроводного консорциума. Удастся ли ЕС в современных условиях вдохнуть новую жизнь в продолжающуюся не одно десятилетие историю со строительством Транскаспийского газопровода (ранее – "Набукко") из Туркмении – вопрос открытый. Среди центробежных сил следует отметить, в частности, фактор США, которые по большому счёту заинтересованы в продолжении поставок своего СПГ в Европу по завышенным ценам.

Заключение

На протяжении чуть более трех десятилетий, последовавших после образования новых независимых государств на постсоветском пространстве, подход ЕС к Центральной Азии несколько раз корректировался. Акцент на нормативной повестке был в 2016–2019 гг. смещен в сторону "принципиального прагматизма", фокус с "демократизации" был перенесен на менее амбициозную цель взаимодействия ЕС с регионом – "продвижение демократии" в странах Центральной Азии, упор с продвижения европейских ценностей перенесен на распространение европейской модели связанности и, наконец, на современном этапе определяющую роль в политике Брюсселя в отношении региона стали играть геополитические расчёты. В 2022 г. в отношении Центральной Азии полностью оформляется геополитический подход – целью политики Брюсселя выступает сдерживание влияния России и Китая в Центральной Азии. Более того, эта цель не скрывается и не ретушируется Брюсселем, а открыто заявляется на официальном уровне. Главными движущими силами политики ЕС в Центральной Азии выступают фактор конфронтации с Россией и фактор связанных с Китаем опасений. Первый из них обуславливает интенсификацию политических контактов с правительствами стран Центральной Азии (в т.ч. с целью недопущения содействия ими России в обходе санкций), поиск альтернативных источников углеводородов и транспортных коридоров в обход России. Второй – побуждает Брюссель продвигать европейскую модель связанности в регионе как противовес китайской и укреплять сотрудничество со странами региона в вопросах добычи и импорта критически важного сырья с целью снижения зависимости от китайских поставок. Факторы России и Китая стали решающими в повышении роли Центральной Азии в стратегических планах ЕС – из региона второстепенного значения для Брюс-

селя Центральная Азия превратилась, по признанию Ж. Борреля, "в центр событий, как в геостратегическом, так и геоэкономическом плане" **[5]**. Факторы России и Китая являются драйверами роста интереса ЕС к Центральной Азии в контексте как нормативной повестки ЕС ("присутствие демократического ЕС в регионе как альтернатива автократическим акторам" **[9]**), повестки устойчивой связанности, так и повестки "зелёной" и цифровой трансформации.

Литература

1. Джураев Э., Мураталиева Н. Стратегия ЕС в Центральной Азии: к успешной реализации новой стратегии. Бишкек: Фонд им. Фридриха Эберта, 2020. 16 с. URL: https://ru.readkong.com/page/strategiya-es-v-centralnoy-azii-k-uspeshnoy-realizacii-3797128?p=2 (дата обращения: 15.02.2024).

2. Инициатива Global Gateway – стратегия ЕС по развитию устойчивых связей во всем мире // Представительство ЕС в РФ. 6.12.2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/russia_ru?s=177 (дата обращения: 14.02.2024).

3. Лексютина Я. Регион нереализованного потенциала: значение Центральной Азии для России растёт // Деловой Петербург. 12.06.2023. URL: https://www.dp.ru/api/amp/a/2023/06/12/region-nerealizovannogo-potenciala (дата обращения: 10.02.2024).

4. A global strategy for the European Union's foreign and security policy. Shared vision, common action: a stronger Europe. 2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0_0.pdf (дата обращения: 14.02.2024).

5. Borrell J. Central Asia's growing importance globally and for the EU // EU External Action. 20.11.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/central-asia%E2%80%99s-growing-importance-globally-and-eu_en (дата обращения: 13.02.2024).

6. Connecting Europe and Asia – Building blocks for an EU Strategy. 2018. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_connecting_europe_and_asia_-_building_blocks_for_an_eu_strategy_2018-09-19.pdf (дата обращения: 13.02.2024).

7. Dzhuraev Sh. The EU's Central Asia policy: no chance for change? // Central Asian Survey. 2022. Vol. 41. Iss. 4. P. 639–653. https://doi.org/10.1080/02634937.2022.2054951

8. EU compares dependency on Russia and China // Obela. 7.11.2022. URL: http://www.obela.org/nota/eu_compares_dependency_on_russia_and_china (дата обращения: 14.02.2024).

9. European Parliament resolution of 17 January 2024 on the EU strategy on Central Asia (2023/2106(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0027_EN.pdf (дата обращения: 14.02.2024).

10. Gerrits A., Klijn H. Central Asia under Brussels' and Moscow's eyes // Security & Human Rights. 2022. Vol. 32. Iss. 1–4. P. 1–16. https://doi.org/10.1163/18750230-bja10014.

11. Matveeva A. A new opening for EU–Central Asia relations? // Carnegie Europe. 13.04.2023. URL: https://carnegieeurope.eu/2023/04/13/new-opening-for-eu-central-asia-relations-pub-89454 (дата обращения: 11.02.2024).

12. Speech by President von der Leyen on EU–China relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre // European Commission. 30.03.2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/%20en/speech_23_2063 (дата обращения: 11.02.2024).

13. Sustainable transport connections between Europe and Central Asia // EBRD. 16.06.2023. URL: https://transport.ec.europa.eu/system/files/2023-06/Sustainable_transport_connections_between_Europe_and_Central_Asia.pdf (дата обращения: 14.02.2024).

14. Szczepański M. China's economic coercion Evolution, characteristics and countermeasures. European Parliament briefing. 2022. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI(2022)738219_EN.pdf (дата обращения: 15.02.2024).

15. Vasić B., Pekić I., Šimić G. Energy security of the European Union and corruption in Central Asia as the main challenges for the European sustainable energy future // Energy, Sustainability and Society. 2023. Vol. 13. No. 31. https://doi.org/10.1186/s13705-023-00406-3.

16. Winn N., Gänzle St. Recalibrating EU foreign policy vis-à-vis Central Asia: towards principled pragmatism and resilience // Geopolitics. 2023. Vol. 28. Iss. 3. P. 1342–1361. https://doi.org/10.1080/14650045.2022.2042260.

References

1. Dzhuraev E., Muratalieva N. EU strategy in Central Asia: towards the successful implementation of a new strategy. Bishkek: Friedrich Ebert Foundation, 2020. 16 p. URL: https://ru.readkong.com/page/strategiya-es-v-centralnoy-azii-k-uspeshnoy-realizacii-3797128?p=2 (accessed 15.02.2024). (In Russ.).

2. Global Gateway Initiative – EU strategy for developing sustainable connections around the world // EU Delegation to the Russian Federation. 6.12.2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/russia_ru?s=177 (accessed 14.02.2024). (In Russ.).

3. Leksyutina Ya. Region of unrealized potential: the importance of Central Asia for Russia is growing // St. Petersburg Business. 12.06.2023. URL: https://www.dp.ru/api/amp/a/2023/06/12/region-nerealizovannogo-potenciala (accessed 10.02.2024). (In Russ.).

4. A global strategy for the European Union's foreign and security policy. Shared vision, common action: a stronger Europe. 2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0_0.pdf (accessed 14.02.2024).

5. Borrel J. Central Asia's growing importance globally and for the EU // EU External Action. 20.11.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/central-asia%E2%80%99s-growing-importance-globally-and-eu_en (accessed 13.02.2024).

6. Connecting Europe and Asia – Building blocks for an EU Strategy. 2018. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_connecting_europe_and_asia_-_building_blocks_for_an_eu_strategy_2018-09-19.pdf (accessed 13.02.2024).

7. Dzhuraev Sh. The EU's Central Asia policy: no chance for change? // Central Asian Survey. 2022. Vol. 41. Iss. 4. P. 639–653. https://doi.org/10.1080/02634937.2022.2054951

8. EU compares dependency on Russia and China // Obela. 7.11.2022. URL: http://www.obela.org/nota/eu_compares_dependency_on_russia_and_china (accessed 14.02.2024).

9. European Parliament resolution of 17 January 2024 on the EU strategy on Central Asia (2023/2106(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0027_EN.pdf (accessed 14.02.2024).

10. Gerrits A., Klijn H. Central Asia under Brussels' and Moscow's eyes // Security & Human Rights. 2022. Vol. 32. Iss. 1-4. P. 1–16. https://doi.org/10.1163/18750230-bja10014.

11. Matveeva A. A new opening for EU–Central Asia relations? // Carnegie Europe. 13.04.2023. URL: https://carnegieeurope.eu/2023/04/13/new-opening-for-eu-central-asia-relations-pub-89454 (accessed 11.02.2024).

12. Speech by President von der Leyen on EU-China relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre // European Commission. 30.03.2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/%20en/speech_23_2063 (accessed 11.02.2024).

13. Sustainable transport connections between Europe and Central Asia // EBRD. 16.06.2023. URL: https://transport.ec.europa.eu/system/files/2023-06/Sustainable_transport_connections_between_Europe_and_Central_Asia.pdf (accessed 14.02.2024).

14. Szczepański M. China's economic coercion. Evolution, characteristics and countermeasures. European Parliament briefing. 2022. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI(2022)738219_EN.pdf (accessed 15.02.2024).

15. Vasić B., Pekić I., Šimić G. Energy security of the European Union and corruption in Central Asia as the main challenges for the European sustainable energy future // Energy, Sustainability and Society. 2023. Vol. 13. Iss. 31. https://doi.org/10.1186/s13705-023-00406-3.

16. Winn N., Gänzle St. Recalibrating EU foreign policy vis-à-vis Central Asia: towards principled pragmatism and resilience // Geopolitics. 2023. Vol. 28. Iss. 3. P. 1342–1361. https://doi.org/10.1080/14650045.2022.2042260.

◆

Информация об авторе

Яна Валерьевна Лексютина, д-р полит. наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: lexyana@ya.ru

Information about the author

Yana V. Leksyutina, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of American Studies, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: lexyana@ya.ru

Поступила в редакцию 16.02.2024 Одобрена после рецензирования 13.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 16.02.2024 Approved 13.05.2024 Accepted 27.05.2024